

Дмитрий Андреевич ФУРМАНОВ

ЕПИФАН КОВТЮХ

Рассказ

Во второй половине 1917 года с Кавказского фронта расходились по домам полки царской армии. Епифан Ковтюх, находившийся в это время в Эрзеруме, получил какую-то незначительную командировку, но вместо того, чтобы снова воротиться в далекую турецкую крепость, предпочел укатить на Кубань, где в это время уже кипела грозно революционная борьба... Приехал в Таманский отдел, в родную станицу Полтавскую, где жили старики - родители.

Годы войны он провел на турецком фронте, за боевые отличия с фронта уезжал в звании штабс-капитана...

Но офицерский чин не тронул, не изменил сырую и свежую натуру Ковтюха, не заразил его недугами гнилой офицерской среды, - он ехал в станицу к привычной трудовой жизни - к хозяйству, к скотине, к земле... И начал бы снова пахать, если б волны гражданской борьбы не увлекли его за собою...

Первое время только присматривался и многого не понимал, не знал еще тогда, не видел, какой размах принимают события, что надо делать, куда идти... Трудовая, тяжелая жизнь, потом война, это бесконечное мотание по фронту - не дали ему возможности столкнуться с книгами и людьми, которые разъяснили бы существо борьбы, историю этой борьбы, рассказали бы про большевиков, про другие партии... События нахлынули, как мутный поток, и в этом потоке он сразу ничего не мог рассмотреть, отличить, понять, разобраться по-настоящему. Но трудовое чутье подсказало верную дорогу... Станица Полтавская была одна из гнуснейших станиц - здесь кулацкое казачество было спаяно особенно крепко, немало бед натворило оно за время гражданской войны на Кубани. Зато и неказачье, так называемое иногороднее, трудовое население станицы, объединилось уже с первых дней...

Надо помнить, что Кубань все время как бы распадалась на две половины: казаки, коренное население, считали себя господами положения, владели большими участками земли, жили наемной батрацкой силой. А наезжие - "иногородние" - шли на заводы, в мастерские, внаймы к богатому казаку или крепко маялись на жалких осколках земли. И глубокая вражда, взаимная ненависть кипели, не стихая, по городам, по станицам Кубани... Грянул гром революции - и казакам он был сигналом борьбы за "свободную Кубань", борьбы за то, чтобы на Кубани остались одни казаки.

Гром революции пробудил с новой силой у неказачьей трудовой Кубани страстную охоту сбросить ярмо, освободиться от гнета, зависимости, горькой нужды... И началась борьба... Тесно льнули к иногородним трудовые казаки, особенно те, что приходили с фронта, но тем ожесточеннее и злее рычала в негодовании упитанно-сытая полудикая кулацкая Кубань... По станицам - где совет, где по-старому казачий атаман. Атаман правит и станицей Полтавской... Перепутались власти на Кубани, и уж чувствуют все грозное дыхание решительной битвы, знают, что двум властям не бывать, что только мечом одна другую положит на месте... Идут недели и месяцы... За Октябрьскими днями и Кубань поняла, что подступают последние моменты, близится удар... С Дона приехал Покровский, жестокий, трусливый генерал; создается добровольческая армия. Кубанская рада - дите тупых богатых казаков - мало-помалу теряет остатки власти, и офицерский произвол добрармии захлестывает Кубань. Горячо работают большевики... Создается областной совет народных депутатов - его на съезде своем выбирает иногородняя трудовая масса Кубани... Потом - Военно-революционный комитет... Красные отряды... Первые открытые схватки... Это заполыхали кровавые языки ожесточенной гражданской войны. Загорелась Кубань... Все быстрее, все неожиданней мчатся события... Железным шагом идет к победе трудовая масса...

Ковтюх живет в Полтавской. То и дело собираются у него станичники-соседи,